

Учителя Сергея Есенина

Бийская газета. - 1991. - Зрек. - с. 11

Когда-то молодой еще журналист Анатолий Дмитриевич Панфилов принес в нашу газету заметку о первом учителе Сергея Есенина («УГ» от 21 января 1967 г.). Мечтая написать книгу о любимом поэте, побывал он на его родине. Беседовал с двумя однокашниками Есенина по Константиновскому земскому четырехклассному училищу. Первыми учителями поэта были вовсе не Иван Матвеевич Власов и не жена его Лилия Ивановна, как полагали биографы. Власовы приехали в Константиново позже, и Сергей учился у них с третьего класса.

Первыми учителями Есенина были Павел Иванович Иванов и Александр Сергеевич Воронов. Старики вспоминали Павла Ивановича строгим и требовательным учителем, каким, по их мнению, и должен быть настоящий учитель. При школе он создал прекрасный хор, в котором охотно пел и двенадцатилетний Сергей Есенин.

ЛЮБОВЬ к есенинской поэзии подвигла А. Панфилова к дальнейшим поискам. Он узнал, что Лидия Ивановна жива и однажды даже приезжала в Константиново. Сестра поэта — Александра Александровна Есенина — сообщила, что Власова проживает в Брянске. И Анатолий Дмитриевич поехал к ней.

«Сережа был очень восприимчивым, быстро все схватывающим учеником», — вспоминала Лидия Ивановна годы своей учительской юности. Ивану Матвеевичу он показывал свои первые поэтические опыты.

Прошло четверть века, и Анатолий Дмитриевич Панфилов снова пришел в редакцию, принес первую свою книгу с необычным названием «Нинесе», изданную журналом «Советская библиография» небольшим тиражом — всего пять тысяч экземпляров.

— Давая название книги, — объясняет автор, — яшел следом за Есениным: именно так своей фамилией в зеркальном отражении поэт в 1911 году подписал свой стихотворный экспромт. У этого издания тот же формат, что и у первого четырехтомного собрания сочинений поэта, выпущенного в 1926—1927 годах.

— Анатолий Дмитриевич, в свое время вы открыли много нового относительно пребывания Есенина в константиновском училище. Некоторых наших читателей интересует Спасс-Клепиковская второклассная учительская школа. Тип подобных учебных заведений в России, как рассказывал мне когда-то известный исследователь проблем начального образования А. Пчелко, был уникальным. Знания лучшие учителя получали здесь весьма устойчивые, особенно по грамматике и по этике русского языка.

— Мне удалось узнать, что на третьем году жизни в Спасс-Клепиковской учительской школе Есенин писал стихи много и упорно. Сохранилось свидетельство учителя русского языка и литературы Евгения Михайловича Хитрова: «В начале года (1911—1912 года) он подражал разным писателям, ни на чем долго не останавливалась. Мне долго казалось, что его произведения легкомысленные, представляют собой лишь набор рифмованных предложений без поэтического значения. Но уже одно то, что он легкоправлялся с рифмой и ритмом, выделяло его из среды товарищей».

Первое произведение, которое меня поразило у Есенина, было стихотворение «Звезды». Помню, я как-то смущился, будто чего-то испугался. Несколько раз вместе с ним прочел стихотворение. Мне стало совестно, что я недостаточно много обращал внимания на Есенина. Сказал ему, что стихотворение это мне очень понравилось, что его можно даже напечатать.

Вскоре в нам в школу приехал со своей обычной ревизией епархиальный наблюдатель Рудинский. Я показал ему стихотворение Есенина. Рудинский в классе при всех расхваливал поэта и дал ему несколько советов. В результате этого у Есенина появилось новое стихотворение «И. Д. Рудинскому».

— Сохранились ли еще какие-нибудь отзывы Есенина о своем учителе, кроме этого стихотворения?

— О приезде Рудинского в Спасс-Клепики, его похвале и напутствиях Сергей Александрович поведал домашним. И когда в 1926 году один из первых биографов Есенина Иван Атонин приехал в Константиново из Рязани, ему рассказа-

ли в связи с чем было написано стихотворение. «Эта благодарность юного поэта, — вспоминает Атонин, — была произнесена за то, что Рудинский, занимаясь с учениками, рассматривая их работы, удостоил особым вниманием и особой похвалой молодого поэта, сказал, что у него большой талант и его нужно развивать».

— Анатолий Дмитриевич, в литературоведческих работах и в примечаниях к стихотворению «И. Д. Рудинскому» сообщается, что учитель Есенина был епархиальным наблюдателем, то есть, по сути, инспектором духовных школ, и что в Спасс-Клепики в ноябре 1911 года он приехал «с казенной ревизией».

— Епархиальный наблюдатель... «Казенная ревизия». Перед моим мысленным взором представал священнослужитель надменный и высокомерный, избалованный чинопочитанием, чуть ли не с брезгливым выражением ходящего по спасс-клепиковской школе и тыкающего вокруг себя перстом: «А это что? А это?»

В то же время я сознавал, что Рудинский не мог быть таким. Не посвятил бы юный поэт, как ни мал был в то время его жизненный опыт, своих пылких и восторженных стихов такому человеку, сконструированному в воображении, как производное от сухих и холодных слов «Епархиальный наблюдатель» и «Казенная ревизия».

— Так каким же, Анатолий Дмитриевич, был учитель Есенина! Составили вы более или менее верное представление о человеке, нашедшем добрые слова напутствия юному поэту?

— Потому-то я и оказался вновь в Рязанском областном архиве. Разыскал дело бывшего Рязанского епархиального училищного совета. Из формулярных списков Рудинского выясняется, что родился он в малоимущей семье в 1857 году. Таким образом, в 1911 году ему было 54 года.

По окончании духовной академии в 1886 году Рудинский вел в Рязанском духовном училище и Рязанском епархиальном женском училище русский и церковно-славянский языки и граждансскую историю.

— Значит, несмотря на то, что Рудинский окончил духовную академию и вел преподавание в духовных учебных заведениях, его интересовали не только религиозные, но и сузубо мирские дисциплины.

— Да, конечно. Из двух формулярных списков, заполненных аккуратным почерком Рудинского, возник облик человека высокообразованного, любознательного, с широким кругом интересов.

Отзывы и пожелания Рудинского пришли на чрезвычайно ответственный и критический для Есенина период. Он тогда решал для себя свою дальнейшую судьбу — быть ли ему учителем церковно-приходской школы или избрать тернистый и неизвестный, но столь манивший в себе путь поэта...

Такой Рудинский, какой представал перед нами в результате поисков Анатолия Дмитриевича Панфилова, не мог не произвести впечатление на молодого поэта своей разносторонней эрудицией. Рудинский заметил стихи ученика и нашел единственно верные для этого случая слова. А поскольку все это пришло на особо важный для Есенина период — Рудинский навсегда остался жить в стихотворении ободренного им юноши.

Учитель Есенина дает отличный пример — не жалеть добрых слов для тех, кто их заслуживает и в них нуждается. И не следует делать вид, что это нас с вами не касается...

Б. ВОЛКОВ.